Текст · 11 сентября 2023, 06:10
Анна Павлова,

Ярлык террориста. Суд приговорил журналиста Гаджиева к 17 годам колонии из-за статей в оппозиционной газете «Черновик»

Журналист газеты «Черновик» Абдулмумин Гаджиев в заключении уже больше четырех лет. Его и еще двух человек — предпринимателя из Москвы Кемала Табиева и благотворителя из Дагестана Абубакара Ризванова — обвиняют в финансировании «Исламского государства», участии в террористической организации и экстремистском сообществе. По версии следствия, Гаджиев своими статьями «пытался воздействовать на сознание людей», однако эксперты не нашли в публикациях Гаджиева ничего противозаконного, а на суде большинство свидетелей обвинения отказались от показаний. Коллеги Абдулмумина уверены, что его преследуют за профессиональную деятельность. 12 сентября суд в Ростове-на-Дону приговорил Абдулмумина Гаджиева к 17 годам строгого режима, Тамбиеву назначили 17,5 лет, а Ризванову — 18. «Медиазона» напоминает об этом деле.

Больше четырех лет в СИЗО. В чем обвиняют журналиста Гаджиева

39-летний Абдулмумин Гаджиев, редактор отдела религии дагестанской газеты «Черновик», находится в заключении уже несколько лет. Утром 14 июня 2019 года в его махачкалинскую квартиру ворвались силовики. После обыска журналиста задержали по

делу об организации[1] финансирования терроризма и участии в террористической организации.

В деле есть еще два фигуранта, их задержали в один день с Гаджиевым: юрист и бывший учредитель благотворительного фонда «Ансар» Абубакар Ризванов был задержан в дагестанском селе Верхнее Инхело, а программист и предприниматель Кемал Тамбиев — в подмосковной Балашихе, его сразу этапировали в Махачкалу.

Всего по делу проходят 11 человек[2], но остальные фигуранты находятся за границей.

В числе обвиняемых — популярный на Кавказе проповедник Абу Умар Саситлинский (Исраил Ахмеднабиев). Помимо лекций об исламе, он известен тем, что открыл школу хафизов[3] в своем родном селе Новосаситли, о планах строительства он рассказывал в интервью Гаджиеву. Школа просуществовала год и закрылась под давлением силовиков. В 2013 году Саситлинский основал фонд «Ансар» и объявил сбор денег на помощь сирийским беженцам на приграничных с Турцией территориях. Об этой кампании он тоже рассказывал в интервью «Черновику», которое легло в основу доказательств вины Гаджиева.

По версии следствия, проповедник и его сообщники с 2013 года собирали деньги для террористов через благотворительные фонды «Ансар», «Мухаджирун» и «Амана», а также платежные системы *Qiwi-*, «Яндекс.Деньги» и *Webmoney*. После задержания

журналиста Саситлинский говорил о невиновности Гаджиева и отрицал свою связь с террористами.

Во время первого допроса бизнесмен Тамбиев оговорил Гаджиева, но потом отказался от показаний. В них он утверждал, что в 2013 году переписывался во «ВКонтакте» с администратором паблика «Абу Саситлинский» и тот якобы сообщил, что журналист «Черновика» собирает деньги для «Исламского государства».

Тамбиев отказался от этих показаний во время первого же заседания по мере пресечения. В зале суда он был с большим синяком под глазом.

«В перерыве я был в клетке с еще двумя задержанными. Я спросил, кто из них Тамбиев, — рассказывал Гаджиев. — На фамилию отозвался измученный и избитый человек. Уверен, что другие свидетели в таком же состоянии. Тамбиев передо мной извинился и признался, что его пытали».

Фигуранты говорят, что до задержания даже не знали друг друга. «Все трое познакомились в клетке Советского районного суда Махачкалы», — писал Гаджиев.

18 июня 2019 года обвиняемых арестовали. До начала рассмотрения дела в Южном окружном военном суде их содержали в махачкалинском СИЗО, а после этапировали в следственный изолятор в Ростове-на-Дону.

В декабре 2019 года всех троих внесли в список террористов Росфинмониторинга. Вину они не признают.

Журналист Гаджиев по образованию математик, до работы в газете он преподавал в Дагестанском государственном университете. В 2008 году он начал писать статьи об исламе для «Черновика», а после задержания — вести тюремный дневник. У журналиста четверо сыновей, младшему на момент задержания Гаджиева было полтора года.

«Мама пыталась успокоить плачущего Мухаммада и смеющегося от страха Идриса. И еще следила, чтобы эти люди ничего не подкинули нам, — так описывал день задержания отца старший сын Гаджиева. — Когда папу забрали в тюрьму, мы в тот день пошли с Суликом на тренировки, а младшие уехали в детский сад. Голова моя не соображала. День прошел, будто это был сон. Все говорили, папа скоро вернется. Потом был второй день, третий, месяц, второй, год, а сегодня уже четыре года, как мы без папы. Я представить не мог тогда, что это придуманное от начала до конца дело может затянуться так надолго».

Вину Гаджиева, по мнению обвинения, доказывают его статьи в газете и купленные им авиабилеты. Следователи утверждают, что журналист помогал собирать деньги для «Исламского государства». Для этого он «размещал» в газете «информацию о якобы осуществлении Ахмеднабиевым благотворительной деятельности» и так «побуждал» читателей внести пожертвования в фонд «Ансар».

Следствие также посчитало, что журналист, «акцентируя внимание своей аудитории на национальных противоречиях современного мира, адаптируя к ним коранические стихи и хадисы, пытался воздействовать на сознание людей, чтобы вовлечь их в деятельность "Исламского государства"».

В обвинении речь шла о 26 статьях, в том числе об интервью с Саситлинским. Три лингвистические экспертизы, проведенные уже во время суда — как по инициативе адвокатов, так и по ходатайству прокурора, «не выявили даже намека на преступный умысел», говорит защитник журналиста Арсен Шабанов.

Следователь также утверждал, что Гаджиев перечислил в фонд «Ансар» 16 тысяч рублей; такие показания дал один из множества засекреченных свидетелей, впоследствии в суд он не пришел. Защита журналиста выяснила, что на самом деле Гаджиев покупал авиабилеты для своего брата на рейс Каир — Москва. Это подтвердил и владелец турфирмы, а распечатку билета приобщили к материалам дела.

Другие фигуранты стали обвиняемыми в финансировании терроризма из-за участия в благотворительности. Один из двух других фигурантов дела, 39-летний Абубакар Ризванов, юрист по образованию. В 2018 году его осудили на 3,5 года[4] по делу о хранении гранаты и наркотиков — мужчина настаивал, что все это ему подбросили.

В 2013 году Ризванов и его родственник стали учредителями основанного Ахмеднабиевым

благотворительного фонда «Ансар». Во время допроса Ризванов рассказал, что «всеми денежными средствами распоряжался Ахмеднабиев», а сам он только предоставил ему свою банковскую карту, снимал с нее деньги и передавал их Ахмеднабиеву или в медресе. По его словам, в среднем он передавал Ахмеднабиеву 300–400 тысяч рублей ежемесячно. В 2014 году фонд «Ансар» закрылся.

Заседание Южного окружного военного суда по делу Абдулмумина Гаджиева, Кемала Тамбиева и Абубакара Ризванова. Фото: Дарья Корнилова

По словам адвоката Шабанова, еще на следствии Ризванов активно себя защищал и обжаловал все незаконные, на его взгляд, действия следователя, обоснованно заявлял ходатайства и высказывал замечания к доказательствам. Гаджиев писал, что сотрудники СИЗО даже прозвали Ризванова «жалобщиком» и что «в результате деятельности Абубакара несколько не последних людей в Советском районном суде Махачкалы лишились работы».

Третий фигурант, 31-летний карачаевец Кемал Тамбиев, родился в Черкесске. После окончания школы в родном городе переехал в Москву и поступил в МГТУ имени Баумана.

В студенчестве Тамбиев и его знакомые организовали благотворительный проект «Хайр», который помогал малоимущим из КЧР, Ставропольского края и Москвы и закрылся в начале 2014 года, рассказывала его жена Лаура Курджиева. Следствие утверждало,

что этот проект был связан с Саситлинским, но и Тамбиев, и другие организаторы «Хайра» это отрицают, как и связь благотворительного проекта с поддержкой террористов.

В обвинении со слов засекреченного свидетеля приводится достаточно странная схема передачи денег проповеднику. Свидетель утверждал, что Кемал Тамбиев в 2015 году хотел «скрытно» перечислить Саситлинскому 200 тысяч рублей с помощью системы платежей «Яндекс.Деньги». В суде Тамбиев отмечал, что анонимные переводы в этой платежной системе невозможны, а согласно выпискам из его электронных кошельков, он не совершал никаких переводов после 2014 года.

Спустя год после ареста на журналиста и других обвиняемых завели еще одно дело. В апреле 2020 года в деле появилось обвинение в участии[5]

в экстремистской организации. По утверждению следствия, Гаджиев, Ризванов и Тамбиев с 2009 года[6] по 14 ноября 2013 года участвовали в деятельности организаций «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» и «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», признанных террористическими еще в 2003 году.

Обвиняемые уверены, что следователь «просто вписал в обвинительное заключение» первые попавшиеся ему в списке ФСБ запрещенные организации.

«Я/Мы Абдулмумин Гаджиев». Коллеги журналиста еженедельно проводят акции, а сам он продолжает публиковать статьи

«Обвинение в финансировании терроризма на Северном Кавказе — примерно то же самое, что и подбрасывание наркотиков Ивану Голунову в Москве». Так редакция[7] газеты «Черновик» объясняла мотивы преследования своего журналиста.

Спецкора «Медузы» Ивана Голунова задержали в Москве за неделю до визита силовиков к Гаджиеву. Его обвинили в покушении на сбыт наркотиков в крупном размере, журналиста отправили под домашний арест. По всей России прошли акции в поддержку Голунова, а через пять дней после задержания МВД прекратило уголовное дело. Позже пятерых полицейских, задержавших корреспондента, арестовали и осудили.

21 июня 2019 года дагестанские газеты «Черновик», «Новое дело» и «Свободная республика» вышли с обложками: «Я/Мы Абдулмумин Гаджиев», по аналогии с федеральными изданиями «Коммерсант», РБК и «Ведомости», которые после задержания корреспондента «Медузы» вышли с одинаковой надписью на первой полосе: «Я/Мы Иван Голунов». Журналисты из разных регионов России, в том числе и Голунов, записали видеообращение в поддержку Гаджиева. «Мемориал» признал дагестанского журналиста политзаключенным, а *Amnesty International* считает его узником совести.

Коллеги считают, что уголовное дело против Гаджиева связано с его журналистской деятельностью и желанием местных силовиков и властей расправиться с раздражающей их оппозиционной газетой. В ноябре прошлого года «Черновику» пришлось прекратить выпуск бумажной версии под давлением местных властей.

Коллеги Гаджиева продолжают проводить акции солидарности до сих пор. Журналисты «Черновика» почти 600 раз пытались согласовать митинг в поддержку Абдулмумина Гаджиева, но всякий раз получали отказ. Тем не менее каждый понедельник они проводят одиночные пикеты в центре Махачкалы. Обычно силовики им не препятствуют, но периодически журналистов задерживают и увозят в отделение полиции.

Гаджиев, отвечая на вопрос журналиста «Кавказ.Реалий», говорил, что не считает такие акции «бессмысленными».

«Моих подельников не пытали током, нам пропускали книги, нас ни разу безосновательно не отправили в карцер, нас приходилось слушать, — объяснял он. — Мы много раз смогли отстоять права для себя и других. Возможно, даже смогли изменить отношение большого количества сотрудников СИЗО к тем, кого сегодня безосновательно обвиняют в терроризме. Все это — благодаря общественной поддержке».

Несмотря на заключение, журналист продолжает писать статьи и вести блог, рассказывая как о своем деле, так и о пытках сокамерников. В том

же интервью «Кавказ.Реалиям» Гаджиев рассказал-
, что выход каждой публикации, пока он сидел в спецблоке махачкалинского СИЗО, «сопровождался маленькой спецоперацией». По его словам, перед встречей с адвокатом его «обыскивали с ног до головы и тщательно проверяли все бумаги», а потом следили, чтобы он ничего не передавал защитнику.

«Сотрудники никак не могли понять, каким образом каждую неделю в "Черновике" выходит моя новая публикация, а схема была следующей. Я писал колонку для газеты на половине тетрадного листка, после чего прятал его в ручку, плотно заворачивая вокруг пасты — для этого приходилось прятаться от видеокамер. Адвокат приходил по средам, и сокамерники во всем мне в этот день помогали, — говорил он. — Когда мы с адвокатом садились за стол, сразу доставали одинаковые ручки, начинали жестикулировать, делать вид, будто что-то обсуждаем, пишем, после чего клали ручки перед собой. Когда свидание подходило к концу, он уходил с моей ручкой, я — с его. Мою ручку он сразу заносил в редакцию "Черновика"».

В ноябре 2019 года начальника изолятора Дауда Давыдова и нескольких его подчиненных арестовали по делу о взятках и пытках арестантов (Гаджиев об этом тоже писал), а в феврале этого года бывшим силовикам назначили до 8 лет колонии. После этого, по словам журналиста, проблем с передачей адвокату статей уже не было.

Абдулмумин рассказывал и о других делах, в том числе о пытках сокамерников. Год назад омбудсмен Дагестана писал, что попросил Следственный

комитет проверить эту информацию, пообещав сообщить об ответе ведомства, но больше на эту тему не высказывался.

Почти три года в суде. Свидетели отказываются от показаний, а эксперты не находят терроризма в статьях

Доказательства вины строятся на словах свидетелей, многие из них отказались от показаний в суде.
В деле Гаджиева и других фигурантов дела больше десятка засекреченных свидетелей (одного из них следователи записали как «Джигурда Никита Сергеевич»). Показания большинства касались проповедника Саситлинского, но были и те, кто упоминал журналиста «Черновика».

Например, «Магомедов Магомед Магомедович» утверждал, что Ахмеднабиев советовался с Гаджиевым о том, как обналичивать деньги, чтобы сотрудники правоохранительных органов не заподозрили его в финансировании терроризма. Показания он давал, находясь под следствием. Позже Гаджиев раскрыл его личность.

Другой засекреченный свидетель (по данным «Черновика», это бывший помощник Саситлинского) называл Гаджиева «очень хитрым и продуманным человеком», разрабатывавшим меры конспирации деятельности проповедника.

В январе 2021 года дело начали рассматривать по существу в Южном окружном военном суде. Центр

защиты прав человека «Мемориал»[8] отмечал, что

во время судебного процесса многие свидетели обвинения отказались от своих показаний — «кто-то частично, а кто-то в полном объеме».

Как поддержать Гаджиева и других обвиняемых?

Письмо — хороший способ поддержать политзаключенных. Написать Гаджиеву, Ризванову и Тамбиеву можно через сервис «Зонателеком» или по адресу: 344022, город Ростов-на-Дону, улица Максима Горького, 219, ФКУ СИЗО № 1 ГУФСИН России по Ростовской области, Гаджиеву Абдулмумину Хабибовичу, 1984 года рождения; Ризванову Абубакару Сахратулаевичу, 1984 года рождения; Тамбиеву Кемалу Шамильевичу, 1991 года рождения.

Также у Гаджиева и Тамбиева есть каналы в телеграме, которые они ведут с помощью знакомых.

Некоторые свидетели рассказали о давлении со стороны силовиков; другие говорили, что их показания исказили. Например, Аида Хайты и Султан Омаров говорили, что им угрожали во время допроса — они сами отбывают сроки по террористическим статьям. Другая заключенная, Анна Папушина, сказала, что «ни в коем случае не подтверждает ту чушь», которую, по ее словам, придумал допросивший ее сотрудник ФСБ по Мурманской области.

Бывший имам мечети в городе Избербаше в суде тоже говорил, что не давал «тех показаний, что

записаны от его имени в протоколе допроса», и в принципе не понимал, что его допрашивают, поскольку его позвали на беседу. Протокол он, по его словам, подписал, «пробежавшись глазами по первым абзацам», поскольку торопился на молитву. Другой свидетель, который также отказался от своих показаний, в суде возмутился, что «не мог себе представить, что ему так нагло припишут то, чего он не говорил». Еще один объяснял, что просто подписывал все бумаги, которые ему давали силовики и следователи, после того как его задержали и пытали в кизлярском Центре «Э» по другому уголовному делу.

Кто-то, как пишут правозащитники, в суде противоречил тому, что говорил на следствии, кто-то отказывался отвечать на любые вопросы, а кто-то утверждал, что ничего не помнит «из-за травм головы». «Все эти свидетели не располагают никакой информацией, касающейся предъявленного обвинения, — говорит адвокат Шабанов. — Складывалось ощущение, что судят не Гаджиева, Тамбиева и Ризванова, а Ахмеднабиева, они давали показания про Ахмеднабиева, а про этих толком никто ничего не знал».

Судебный процесс затянулся, потому что следователь не стал проводить экспертизы статей Гаджиева во время расследования. Лингвистические исследования 26 статей журналиста «Черновика» проводили уже во время рассмотрения дела в суде, в итоге он затянулся на два с половиной года. По словам Гаджиева, председательствующий судья Роман Сапрунов назвал этот процесс самым затяжным в его практике.

Проводивший расследование следователь Надир Телевов в суде объяснял, что не стал обращаться к экспертам. Он уточнил, что, основываясь на показаниях свидетелей, сам сделал вывод, что Гаджиев своими текстами «пытался воздействовать на сознание людей, чтобы вовлечь их в деятельность "Исламского государства"».

«Мы вначале по своей инициативе сделали заключение, на его основании заявили ходатайство в суде, и этого специалиста допросили, — рассказывает адвокат Шабанов. — Потом уже заявили ходатайство о проведении экспертизы. Суд провел экспертизу, долго ее ждали. Потом прокурор тоже заявил такое же ходатайство».

Оба исследования, как пишет «Мемориал», не нашли в статьях журналиста «побуждения передавать деньги в благотворительные фонды, свергать органы власти, отказаться от светского образа жизни и создать теократическое государство», как и «пропаганды идеи превосходства шариата, идей и взглядов террористических организаций и побуждения вступать в их ряды». Такие же выводы

получила и проведенная по инициативе прокурора Мурада Алиева дополнительная экспертиза.

«Получается, все экспертизы свидетельствуют о том, что ничего незаконного в статьях нет, а это, по сути, самое главное обвинение в мой адрес, поскольку я обвинялся по двум самым важным пунктам — это перевод денег непосредственно в ИГИЛ и написание этих статей в течение десяти лет, в которых я якобы призывал к терроризму», — отметил Гаджиев в письме «Медиазоне».

В своем блоге Гаджиев приводил диалог между гособвинителем и экспертkой Екатериной Дайлоф, которая нашла признаки пропаганды в двух статьях:
— То есть... получается... пропаганда есть, но вопрос — какая?
— Да, в статьях «Интеллектуальный джихад» и «Почему не бывает дагестанских машин» пропаганда есть. Вопрос — какая пропаганда? Пропаганда хороших взглядов, не знаю, как еще вам объяснить.
— Касательно цели публикации этих статей... в этой части что можете сказать? Для чего они публиковались?
— Это у автора надо спросить. Только плохая учительница в школе спрашивает у детей, что хотел сказать автор.

Гособвинитель запросил Гаджиеву, Тамбиеву и Ризванову по 19 лет в колонии строгого режима.

Речь гособвинителя затянулась на два заседания. По словам Гаджиева, прокурор «буквально зачитал обвинительное заключение следователя, словно не

проводилось два с половиной года никаких судебных заседаний, на которые он зачем-то каждую неделю ездил из Махачкалы на поезде». В своем посте журналист снова перечислил все несостыковки в деле, которые обвинитель проигнорировал, «словно их и не было».

«Прокурор так и не заметил, что в период вмененной нам следователем деятельности в названных фондах двух из трех террористических организаций уже (!) давно не существовало, а третьей — еще (!) не существовало», — написал он.

Прения начались 22 июня и затянулись на два с половиной месяца, пока стороны выступали с репликами.

«Меня оскорбляет ярлык террориста, который на меня навесили», — говорил Кемал Тамбиев, выступая с последним словом. Он сказал, что ему предлагали заключить досудебное соглашение и дать показания против других, чтобы смягчить приговор, но ему «не в чем признаваться и не в чем изобличать ни Гаджиева, ни Ризванова, ни кого-либо еще». Последний в своем выступлении также говорил о необъективности расследования, просил суд «не убивать надежду на справедливость» и вынести оправдательный приговор.

«Мы до сих пор точно не знаем, кто стоит за этим спектаклем, — размышлял во время последнего слова[9] журналист Гаджиев. — Говорят,

это была попытка закрыть газету "Черновик" и заткнуть независимые СМИ нашей республики. Кто-то считает, это был чей-то знак сверху

для определенной части кавказской молодежи. Возможно, это был просто какой-то кабинетный клерк, бездарь-оперативник, решивший отличиться, симулируя бурную деятельность по борьбе с терроризмом. Сегодня, стоя здесь, я могу с уверенностью сказать, что кто бы это ни был, он не достиг своих целей».

External embed

https://www.facebook.com/plugins/video.php?height=314&href=https%3A%2F%2

Гаджиев признался, что, несмотря на заключение, эти четыре года были «самыми продуктивными» в его жизни и именно в СИЗО он по-настоящему занялся журналистикой, выпустив «из застенков сотни публикаций». Уголовное дело против него и остальных фигурантов он назвал «фейком от начала и до конца».

«Как говорил один из великих правоведов прошлого, шейх Ислам Ибн Таймийя[10], который тоже несправедливо подвергался гонениям, "Что мои враги могут сделать со мной? Мой рай — в моем сердце. Если они упрячут меня в тюрьму, это будет уединение с моим Господом. Если они убьют меня, это будет смертью на его пути. Если вышлют, это будет путешествием". Раньше я просто читал эти слова, сейчас я стал их понимать, — с улыбкой сказал Гаджиев в завершение. — Но в любом случае, как бы в тюрьме мне было неплохо, я очень надеюсь, что в самое ближайшее время мы, все трое, окажемся на свободе».

12 сентября Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону приговорил Абдулмумина Гаджиева к 17 годам колонии строгого режима. Кемалу Тамбиеву и Абубакару Ризванову назначили 17,5 и 18 лет заключения.

Редактор: Мария Климова

Обновлено 12 сентября в 12:05. Суд вынес приговор Гаджиеву, Тамбиеву и Ризванову. Мы добавили эту информацию в текст, в связи с этим изменен заголовок.

---

1. Часть 4 статьи 205.1 и часть 2 статьи 205.5 УК.

2. Абдулмумин Гаджиев, Абубакар Ризванов, Кемал Тамбиев, Исраил Ахмеднабиев, Магомедбасир Гасанов, Карим Алиев, Ровшан Алиев, Мансур Даутов, Рафик Шабанов, Рабиджон Вахобов, Рафет Магомедов. О большинстве из них почти ничего не известно.

3. Так называют мусульман, которые знают весь Коран наизусть.

4. Он отбыл их в СИЗО и вышел сразу после приговора.

5. Часть 2 статьи 282.2 УК.

6. 18 лет Тамбиеву исполнилось только 21 декабря 2009 года.

7. Цитата приводится с сокращениями.

8. Межрегиональная общественная правозащитная организация без государственной регистрации юридического лица. Создана сторонниками ликвидированного ПЦ «Мемориал».

9. Цитаты приводятся с сокращениями.

10. Исламский проповедник XIII–XIV веков, который критиковал «нововведения» в религии; его считают одним из идеологов салафизма.